

0-788285

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ФОМИН Александр Игоревич

ЯЗЫК И СТИЛЬ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ

В. В. РОЗАНОВА

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена на Кафедре русского языка Филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Лысакова Ирина Павловна (Россий-
ский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

доктор филологических наук, профессор Камчатнов Александр Михайлович
(Литературный институт им. А. М. Горького)

доктор филологических наук Бурыкин Алексей Алексеевич (Институт лин-
гвистических исследований РАН)

Ведущая организация:

Вологодский государственный педагогический университет

Защита состоится 16 июня 2011 года в 14.00 на заседании совета Д 212.232.18
по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11,
Филологический факультет СПбГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «12» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

 Д. В. Руднев

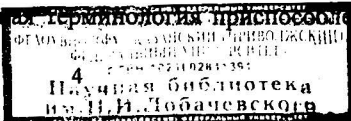
В. В. Розанов – современник Серебряного века, по масштабу творчества стоящий наравне с эпохой, но значимый и вне этого топоса. Его художественное и интеллектуальное наследие *прошло* проверку временем и умолчанием, чего нельзя сказать о многих «знаковых» фигурах Серебряного века. Значительный интерес к творчеству Розанова отразился в участвовавших в последние 15–20 лет публикациях, обращенных к философским и религиозным взглядам Розанова, обстоятельствам биографии, историко-культурному контексту; неполная библиография (Сергиев Посад, 2006) учитывает 600 изданий, очерк же лингвистических работ сравнительно невелик. В исследовании 1971 г. академик Виноградов назвал «Уединенное» Розанова примером «уединенного монолога» и дал абрис образа автора. Активное изучение розановских текстов начинается лишь в конце XX века. Среди появившихся работ отметим монографию Е. П. Карташовой (Стилистика прозы Розанова. М., 2001), содержащую описание стилистики прозы Розанова. Филологический анализ текста «Уединенного» осуществлен Н. А. Николиной. Лингвостилистической проблематике текстов Розанова посвящен ряд аспектных работ; их *koinōj tōroj* – констатация «новизны» розановского текста, проявляющейся на различных ярусах дискурса. Словообразование и неология рассмотрены В. В. Леденёвой, А. А. Бурыкин пишет о феномене *формы* медитативной прозы Розанова, субъектную организацию этих текстов анализирует Ж. В. Пушкарева. О творчестве Розанова говорится и в работах общего характера: его языковое новаторство отмечает в очерке истории литературного языка Л. М. Грановская. В лингвофилософских трудах В. В. Колесова идеология Розанова осмыслена как «скептический реализм». П. И. Мельниковым дана лингвистическая трактовка гносеологии Розанова. Ряд обзорных статей о языке и стиле автора вошли в «Розановскую энциклопедию» (М., 2009): «Метафора» И. В. Резчиковой; «Неологизмы» В. В. Леденёвой; «Синтаксис» М. В. Дегтяревой; «Стиль» В. А. Фатеева; «Язык» А. Н. Кожина. Ценные наблюдения над поэтикой и стилем представлены и в неязыковедческих исследованиях; отметим работы В. Г. Сукача и В. А. Фатеева.

Проблематика лингвистического изучения розановского наследия

Вершиной словесного творчества Розанова стала лирико-философская проза (медитативная проза, “листья”). «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» (1913), «Опавшие листья. Короб второй и последний» (1915) – явили совершенно новую форму, оказавшись наиболее емкими тематически и предельно содержательными в авторских интуициях произведениями. Вопросы лингвистического изучения этих текстов сводятся к трем сферам:

1. Изучение авторских языка и стиля как систем, являющих уникальное владение словом. Розанов – крупнейший художник русского слова, что отмечено уже его современниками; приведем отзыв В. Ф. Эрна: «Изумительно искренняя и точная передача своих мнений и чувствований...» Слова Н. А. Бердяева «Розанов – сейчас первый русский стилист», сказанные в 1915 г., сохраняют «рейтинговое» значение. Сказанное и процитированное – прямой стимул к изучению стилистических механизмов розановских медитативных текстов, представляющих вершины русской словесности.

2. Истолкование розановского мировосприятия. Несмотря на значительное количество специальных исследований, продолжают споры о розановских мыслях о Боге, о мире, природном и социальном, о человеке. Интеллектуальные и духовные запросы Розанова были чрезвычайно разнообразны: он затронул все значимые темы, сопутствующие человеку и человеческому сообществу. Сложность толкования его идеологии в том, что автор не оставил собственно философских произведений, и в отходе от дискурсивной формы изложения. Исследователи говорят о невозможности толковать рефлексии Розанова в рутинных гуманитарных клише: «не можем занять... позицию, с которой мысль его (Розанова – А. Ф.) могла бы быть оценена “объективно” и специфицирована как философия определенного направления» (Е. В. Белоскокова). Суть этой «нетолкуемости» раскрыта В. Г. Сукачем: «Сделать анализ личности Розанова средствами современной науки – едва ли возможно, поскольку современная терминология приспособлена к предмет-

ным и видимым формам культуры». Сказанное справедливо, но имеет пределы применения – не учтен фактор языка: числа изучение языковой ментальности в компетенции лингвистики, не можем присоединиться к пессимизму культурологов, литературоведов, философов. Объективное истолкование идеологии Розанова – другой план лингвистического изучения розановского текста.

3. Текст Розанова в отношении к русскому языку. Языковое творчество Розанова есть свидетельство возможностей русского языка как национальной системы. Приведение в связь ее элементов наполнило смыслом и стилистическими оттенками оригинальную форму розановского текста, которая, отвечая по содержательным качествам и монолизму качествам книжно-письменного языка, оказывается новацией, значимой для литературного языка. Эти отношения важны и для понимания розановского текста как явления *принципиально вербальной* русской культуры, и для анализа нового дискурса.

Тема исследования. Заданная названием тема исследования «Язык и стиль лирико-философской прозы В. В. Розанова» может быть уточнена. Стиль автора понимается как иерархически организованная система: совокупность доминант, создающих общий стилистический рисунок, и черт авторского стиля, связанных с локальными эффектами. Язык, объективируемый по данным текстов, понимается как совокупность категорий, заданных, с одной стороны, национальной системой, с другой, моделируемая авторским мировосприятием – рефлексом языковой ментальности. Отмеченные особенности подходов к языку и стилю, фактически, формируют объектное поле исследования.

Актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена значимостью лирико-философской прозы Розанова как факта русского языка и русской культуры. Указанные тексты рассмотрены как репрезентация значимых явлений стилистики и выявление существенных закономерностей

языка, а также как уверенные свидетельства о русской языковой ментальности. На сегодняшний день лирико-философские тексты Розанова изучены не достаточно: отсутствует иерархически ориентированное описание стилистики этих произведений, предполагающее дифференциацию доминантных и локальных стилистических задач. Не были специальным объектом исследования языковые категории текстов медитативной прозы, и, как следствие, эти произведения не рассматривались в аспекте языковой ментальности. Лингвистами после В. В. Виноградова не ставился вопрос о категории «образа автора» медитативной прозы Розанова. Наличие указанных вопросов, принципиальных для изучения творчества одного из крупнейших русских писателей, делает актуальным предпринятое исследование.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является истолкование стилистического своеобразия и языковой организации текстов лирико-философской прозы В. В. Розанова на фоне национальной языковой системы и в связи с русской языковой ментальностью.

Различие исследуемых ярусов текста и многомерность изучаемого материала потребовали решения следующих последовательных задач:

1. Определить иерархию и механизм стилистических явлений, для чего:
 - рассмотреть коммуникативно-синтаксический план высказывания и проанализировать линейно-динамическую структуру высказывания;
 - рассмотреть принципы графического оформления микротекстов;
 - используя подготовленный полный словоуказатель знаменательной лексики текстов лирико-философской прозы, рассмотреть соотношения групп лексики, различающихся сферой употребления.
2. Рассмотреть локальные стилистические явления, для чего:
 - рассмотреть использование стилистически маркированных групп лексики, включая неологизмы и диалектизмы;
 - рассмотреть конструктивно-синтаксический план высказывания и проанализировать использование конструкций актуализированного синтаксиса;
 - рассмотреть использование девиаций в слово- и формообразовании.

3. Охарактеризовать реализацию речемыслительных категорий, репрезентирующих язык текстов медитативной прозы, для чего последовательно проанализировать категориальную семантику *предметности*; *качественности*; *темпоральности*; *бытийности*.

4. Рассмотреть обуславливающие связи категориальных языковых значений и характеристик языковой ментальности.

5. Охарактеризовать мировосприятие автора.

6. Охарактеризовать принципы смыслообразования.

7. Рассмотреть использование символа как одной из содержательных форм слова.

8. Рассмотреть явление словесных рядов.

9. Охарактеризовать категорию образа автора.

Объект и предмет исследования. Разграничивая категории объекта и предмета исследования рассматриваем объект как речевую деятельность и ее результат – тексты и их элементы, тогда как к предмету исследования относим рассмотрение объекта под определенным углом зрения.

Объектами исследования являются тексты лирико-философской прозы Розанова и встретившиеся в них:

- различные средства создания стилистического рисунка и сами стилистические коннотации, актуальные в рассматриваемых текстах;
- грамматические формы, реализующие категориальную семантику, релевантную для лирико-философской прозы;
- средства композиционной организации.

Предмет исследования. В качестве предмета исследования рассматриваются узуальные / неузуальные для языка ряды соответствий, реализованные в розановских текстах:

- иерархические соотношения стилистических средств, обуславливающие их локальную или общетекстовую функцию;

- связи между различными стилистическими средствами и спецификой их значений;
- связи между семантикой грамматических форм и смыслами речемыслительных категорий;
- соотношения между реализованными в тексте речемыслительными категориями и мировоззренческими доминантами автора;
- приемы смыслообразования розановского текста;
- соотношения образа автора как идеального конструкта с интегрирующим значением формирующих его факторов.

Принципы и методы исследования. В подходе к истолкованию явлений языка и стиля лирико-философских текстов Розанова использован *герменевтический принцип* (Г.-Г. Гадамер), что предполагает учет существующих исследовательских, критических и читательских мнений, отражающих объективный факт восприятия розановской прозы и обеспечивающих необходимое предсуждение дальнейшего анализа. Учитывается 1) внутренний и 2) внешний фон творчества Розанова: его произведения, не относящиеся к медитативной прозе, и показательные тексты русской словесности; явления идиостиля и идиолекта лирико-философской прозы рассматриваются в связи с особенностями и актуальными тенденциями русского языка. Рефлексии же самого Розанова рассматриваются как вспомогательный источник сведений к толкованию текста. Указанный подход обеспечивает дифференциацию стилистических фактов: доминантных особенностей и локальных эффектов. Следствием методологического порядка, задаваемым герменевтическим подходом, является «презумпция» целостности объекта, взгляд на текст и его смысл как на *целое* (А. М. Камчатнов), что обуславливает высокую значимость элементов стиля и языка.

Общий подход к явлению языка и стиля характеризуется сочетанием *индуктивного и дедуктивного методов*, что в применении к предметам исследования означает определение общих закономерностей, стоящих за наблюдаемыми явлениями, и толкование последних в проекции категориаль-

ных и ментальных характеристик. В исследовании стремимся также выдерживать принципы *последовательности* и *достаточной объяснительной силы аргументации*.

Разнообразие исследуемого материала, относящегося к различным уровням и функциональным сферам, а также различие аспектов исследования требуют использования различных методов. Используем метод *дифференциального анализа*, предполагающий объединение различающихся ярусами и функциями единиц языка и стиля в соотносительные ряды, отнесенность к которым предопределяет наличие определенных свойств, обеспечивающих достаточную характеризацию элемента. Анализ этих групп дает основания судить о противопоставляемых признаках и их текстовых репрезентациях, что значимо для последующего определения стилистических механизмов и для толкования используемых грамматических средств, репрезентирующих речемыслительные категории. В числе *частных методов* исследования используются:

Метод компонентного анализа (как развитие дифференциального анализа), предполагающий не выделение сем, своего рода семантических «корпусов», что характеризует узкое понимание метода, а определение семантических оттенков групп лексических и грамматических единиц, сопоставляемых по семантическому признаку, что позволяет, в свою очередь, определять функциональную и смысловую значимость указанных групп.

Метод языкового эксперимента, используя который при анализе явлений коммуникативного синтаксиса, грамматической семантики и метонимических явлений, получаем возможность, проанализировав возникающий эффект при варьировании эффект, определить значимость и значение формы, представленной в тексте и уточнить мотивы авторского выбора.

В анализе коммуникативно-синтаксического плана высказываний используется *метод латентных вопросов*, позволяющий корректно, ориентируясь на содержательный план высказывания, выявлять коммуникативное членение.

Метод статистического описания использован для 1) оценки размеров и сложности предложения, 2) количественного описания различных коммуникативных типов высказывания, 3) количественных характеристик лексико-грамматических классов и разрядов лексики, 4) количественной характеристики явлений в сфере грамматической семантики.

Методом конкорданции дан полный перечень знаменательной лексики «Уединенного», «Опавших листьев», «Опавших листьев. Короба второго и последнего», что обеспечило исследование материалом для статистических заключений об использовании лексических и грамматических ресурсов, а также дало возможность сопоставления с данными специальных описаний.

Метод частотно-лексикографического описания использован для создания частотного словаря указанных произведений (см. приложение), который, в свою очередь, служит дополнительным источником определенным образом систематизированного материала.

Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит, прежде всего, во впервые предпринятом комплексном изучении языка, стиля и мировоззренческих оснований словесного творчества В. В. Розанова, предполагающем последовательный герменевтический подход к анализу авторского текста. Новым в практике анализа художественного (околохудожественного) дискурса является сосредоточенность исследования не столько на стилистических, сколько на собственно языковых явлениях авторского текста. Новым является также использование в анализе текста обоснованного в трудах В. В. Колесова разграничения содержательных форм слова. Принципиально новым является обоснование авторского мировоззрения анализом языковых особенностей текста.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость итогов работы заключается в углубленном комплексном подходе к анализу языка и стиля авторского текста. Теоретическая значимость состоит также в экспликации существующих соотношений между явленной в тексте катего-

риальной семантикой грамматических форм различных ярусов и мировоззрением автора и, как следствие, в фактическом обосновании самого метода установления указанных корреляций.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут быть использованы в вузовском преподавании: в лекционных курсах по стилистике русского языка, а также в отдельных курсах грамматики; в курсах ментальной грамматики, философии языка, стилистики языка художественной литературы. Результаты работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий по стилистике, языку художественной речи, философии языка.

Исследованный материал. Материалом для исследования послужили опубликованные при жизни В. В. Розанова произведения: «Уединенное» (1912), «Опавшие листья. Короб первый» (1913) и «Опавшие листья. Короб второй и последний» (1915); использованные тексты сверялись с прижизненными изданиями. В качестве дополнительных источников использованы иные книги медитативной прозы, опубликованные ныне в составе 30-томного Собрания сочинений Розанова: «Мимолетное. 1914 год», «Мимолетное. 1915 год», «Последние листья. 1916 год», «Последние листья. 1916 год», «Сахарна», «Апокалипсис нашего времени», а также произведения других жанров: «В мире неясного и нерешенного», «Из восточных мотивов», «Когда начальство ушло...» и ряд других, в т. ч. значительное количество литературно-критических и публицистических статей, а также переписка с Н. Н. Страховым и П. А. Флоренским. Внимание к языковому, литературному и культурному фону эпохи и стремление раздвинуть хронологические рамки рассматриваемых явлений языка и стиля повлекло включение фактов из произведений Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Пришвина, Вал. Иванова и ряда других авторов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на научных и научно-практических конференциях в Санкт-Петербурге

(2005, 2006, 2007, 2008, 2010), Костроме (2007, 2008), Липецке (2007), Владимире (2009), Вологде (2008, 2010), Москве (2006). По теме диссертации опубликованы 37 работ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Доминантным качеством стилистики текстов лирико-философской прозы Розанова является устное звучание книжного текста, создаваемое особенностями коммуникативной организации предложения – актуальным членением и особенностями линейно-динамической структуры. Фактором, поддерживающим эффект устной интонации письменного текста, является смешение контрастных лексических пластов – книжного и разговорного.

2. Использование стилистически маркированных средств, создающих стилистические локальные эффекты, показывает направленность розановского текста на смысл и свободное обращение автора с узуальной формой.

3. В розановском тексте предельно сближены языковая семантика и смысл строяемых автором высказываний.

4. Данные языка лирико-философской прозы характеризуют эти тексты как предметно и качественно ориентированные.

5. Данные языка лирико-философской прозы показывают нерелевантность времени в реконструируемой «картине мира» Розанова.

6. Слагаемые языковые характеристики лирико-философской прозы Розанова дают основание определять его мировоззрение как реализм.

7. В словообразовании текстов лирико-философской прозы Розанова центральное положение занимают метонимические механизмы и словесные ряды символов как предпочитаемой содержательной формы слова.

8. Категория образа автора заключается в единстве и многообразии форм авторского сознания, непосредственно воплощенного в языковых формах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников, списка использованных словарей и литературы, приложения.

Содержание работы

Во **введении** очерчена проблематика лингвистического изучения розановских медитативных текстов, обоснована тема диссертации, показаны ее актуальность и новизна, определены цель и задачи исследования, его теоретическая и практическая значимость, предмет и объект исследования и указаны его методы.

В **Главе I «Предпосылки и теоретические аспекты изучения лирико-философской прозы В. В. Розанова»** обсуждается 1) биографический контекст создания лирико-философской прозы; 2) суждения о розановском тексте как предпосылки исследования; 3) теоретические положения, относящиеся к характеристике идиостиля и идиолекта.

Биографический контекст включает ряд факторов, повлиявших на Розанова, будущего автора уникальных лирико-философских текстов; это предшествовавшая созданию жанра “листьев” 25-летняя литературная и критико-публицистическая деятельность, сформировавшая навык к созданию монологического текста, в т. ч. труд Розанова (с 1899 г.) в одной крупнейших русских газет – «Новом Времени». Другой фактор – время, проведенное в провинции, давшие Розанову обилие языкового материала в полноте звучания русских речений. На Розанова-литератора повлияло также эпистолярное общение с К. Н. Леонтьевым и Н. Н. Страховым, а также с Ю. Н. Говорухой-Отроком, С. А. Рачинским, П. А. Флоренским. К фактам биографии относятся и увлеченность Розанова Достоевским, с чем связано влияние на будущую медитативную прозу литературной формы «Дневника писателя». Названные обстоятельства суть предпосылки создания новой «нормы эстетического поведения» (В. А. Фаворский) – стилистико-эстетической *системы* лирико-философской прозы.

Новая литературная форма отразила направленность автора на создание интеллектуально и эстетически значимого текста. Используя *существующее* в потенциях системы и актуализировав ресурсы различных уровней национального языка, Розанов создал новый тип дискурса со свободными перехо-

дами тем, чередованием стилистических регистров, подчеркнутой энтимемностью и употреблением экспрессивных средств всех ярусов. Фактически, в розановском тексте явлены базовые синхронические и диахронические антиномии языка: тексты медитативной прозы есть предельно субъективный авторский монолог, изображающий реальность как видение и ощущения авторского «я». Стиль текстов лирико-философской прозы опирается, по преимуществу, на подвижность синтаксических форм и контрастирующие своей стилистической окраской лексические пласты, но содержательный план розановского дискурса задан константами устойчивых грамматических и лексико-грамматических категорий.

Первичная характеристика медитативной прозы – предельная приближенность авторского сознания к языковым формам выражения. Произведения цикла “листьев” не обременены «литературностью» – сюжетом и иными категориями поэтики; анализ текста и розановские творческие максимы указывают на непосредственную соотнесенность языковой формы и содержательного плана. Сближение сознания автора и языковых форм объясняет сходство текста с т. н. внутренней речью. Минующее «литературность» воплощение авторских рефлексий и мотивов объясняет то, что «между читателем и автором не возникает обычной дистанции» (В. А. Фатеев), следствием чего в прагматическом плане является небезразличие читателя, а значит, и сотворческое прочтение текста. Речь идет о взаимодействии автора / читателя на уровне сознания, которое осуществляется реализацией *ближайших*, языковых значений (А. А. Потебня), организованных в синтагматике текста *интонационно*. Регулярная корреспонденция читателя с авторским сознанием способствует тому, что в *целом* розановского текста *нормально* воспринимаются *любые* формы, воспроизводящие движение авторского сознания. Предъявленные читателю мысли, эмоции, личностные мотивы суть то, что имманентно адресату, а текстовая форма всякий раз – лишь коррелят определенному состоянию сознания автора, что находит осознаваемый или неосознаваемый отклик читателя.

Отмеченные качества задают объектные области исследования. Выбранные планы изучения текста эксплицируют характер индивидуального речетворчества и являются показательными для авторского мировосприятия. Искомые отношения принадлежат функциональной и смысловой сферам, и потому собственно уровневый подход здесь неэффективен. Сказанное формирует следующие планы исследования: функциональный план текста (\approx стиль); идеационный план текста (\approx язык); символично-смысловой план (\approx текст). Для двух первых аспектов особенно важно определение иерархически значимых объектных реалий, явленных в тексте; для третьего – герменевтический подход к тексту как *целому*. В пользу разграничения планов исследования говорят объективируемые по совокупности высказываний лингвостилистические взгляды автора. Это адекватность выбранного стиля объекту как критерий «хорошего» стиля; такой взгляд на предмет напрямую связан с мировоззрением Розанова – подчеркнутым вниманием к *вещности*. Но стиль есть и конец творчества, что понимаем как отказ от *завершенной* формы. Позитивная составляющая взглядов Розанова – примат *интонационной* (в широком смысле) составляющей текста. Сказанное задает ориентиры исследования: поиск *интонационно* значимых реалий текста, а также направленность на лексические и синтаксические явления, отвечающие *вещности* авторского мирозерцания. Мировосприятие Розанова, растворенное в многочисленных и тематически разнонаправленных высказываниях, определяется константными характеристиками авторского языка, что делает актуальной проблему разграничения авторских языка и стиля.

Указанные области локализованы в пространстве между мироощущением автора и текстом, который организован стилистическими приемами в соответствии с идеологией автора. Текст объективирует идиолект, служащий смысловой, содержательной основой стиля. В тексте же на разных уровнях восприятия и анализа представлены: 1) идиостиль, решающий общие и частные задачи выражения смысла; 2) идиолект, отразившийся в грамматике и словесных рядах; 3) направленность на создание эстетического объекта.

Идиостиль определен функционально, будучи замкнут на текст, а идиолект «открыт», поскольку в сущностной части слит с мироощущением. Итак, под стилем понимается функционально организованный идиолект. В отношении идиолекта учтено «теснимое» гумбольдтианской традицией понятие *sergon*: язык – не только динамичная система, но и результат ее развития. Отношения языка и стиля суть отношения сущности и явления, заданного соответствующей функцией и приобретающего *форму*, которая и служит основным показателем стиля.

В главе II «Стилистика лирико-философской прозы: доминантные характеристики» рассмотрены доминирующие в лирико-философских текстах стилистические особенности, выбор которых задан суждениями М. М. Пришвина, А. М. Ремизова, Ю. П. Иваска, Д. С. Святополка-Мирского. Зерно этих мнений – «интонация», «живая разумная речь», «изустный синтаксис». Об этом качестве «звучания» пишут лингвисты, анализирующие розановские тексты (Е. П. Карташова, Н. А. Николина), что позволяет принять за *данное* отмеченную «звучащую» черту, *t0noj* розановского текста. Названное качество соотнесено с коммуникативно-синтаксическим планом предложения, анализируемого в соответствии с положениями концепции И. П. Распопова. Актуальное членение понимается как бинарная категория, принадлежащая языку и речи. Ее структурная организация – комплекс коммуникативных типов предложения с типическими значениями основы и ремы, а строевое обеспечение – порядок слов, актуализирующие элементы, сигналы графики и пунктуации и интонация, присутствующая, по мнению исследователей (Н. В. Черемисина, О. Б. Сиротинина и др.), и в письменном тексте. Имманентные характеристики категории – облигаторность и конституирующая функция.

В медитативной прозе представлены: редкие 1) «листья»-повествования и 2) ритмизованные лирические формы; 3) микротексты с эксплицированным диалогом; 4) собственно «листья» – миниатюры, малые объемом, близкие к афоризмам по смысловой емкости. В большинстве случаев встречается сме-

шанный текст, включающий формы диалога, элементы сюжетного повествования и авторские рефлексии, отличающие собственно “листья”, в силу чего медитативная проза представляет собой цепочки ограниченных объемом текстов (от 1–2 до 3–5 предложений), разбитых объемными микротекстами с элементами наррации, превышающими указанный размер на порядок. Архитектоника “листьев” – множество миниатюр, различающихся коммуникативным регистром, – повышает значимость позиционно сильного элемента – начинающего очередной микротекст высказывания. Заданная им коммуникативная окраска «подхватывается» высказываниями следующего микротекста, чему способствует значительное количество малых объемом миниатюр. Так начальное высказывание, задавая окраску фрагмента, формирует общую тональность восприятия текста, фактически, навязывая читателю *интонирующее* прочтение *целого*.

Книги “листьев” в совокупности содержат 858 миниатюр, расчлененные и нерасчлененные начальные высказывания которых представлены, соответственно, 679 и 179 употреблениями; в соотношении – 79 % и 21 %. Преобладание расчлененных высказываний в *целом* текста необходимо определяет розановский дискурс как «тематический». Расчлененные предложения в начале текста есть уклонение от узуса повествования – специализированности нерасчлененных форм для экспозиции процесса, ситуации, события (И. П. Распопов). Прямым следствием оказывается устойчивость явления «тема как новое». Разнообразие заданного темой «нового» *принуждает* читателя к реакции на вводимую тему – к поиску в фонде фоновых или актуальных знаний, эмоций, ощущений. Как следствие, в восприятии медитативных текстов возникает эффект со-видения, со-знания, со-чувствия. Наиболее частый тип *расчлененных высказываний* – описательно-процессуальные и квалификативно-качественные высказывания с «репрезентирующей» основой. Модель «репрезентант чего-либо – сообщение о нем» удобна для передачи значений, характеризующих различные субстанции (в т. ч. идеальные): «мне // и одному хорошо, и со всеми»; «убегающее, ускользящее // неодо-

лимо влечет нас». Наблюдения над расчлененными высказываниями показывают 1) количественную незначительность ситуативных высказываний; 2) доминирование квалификативно-качественных высказываний; 3) преобладание именных форм в реме. Среди *нерасчлененных высказываний* основное место занимают *бытийные* высказывания; центральный их тип – двусоставные конструкции с бытийным глаголом: «Есть дар слушания голосов и дар видения лиц».

В характеристиках основы сказывается «я»-ориентированность текстов: значительная часть основ представлена падежными формами личного и притяжательного местоимений 1-го лица, варьирующихся в семантическом интервале *действитель* – *обладатель (носитель)*: «Литературу я чувствую // как штаны»; «У меня // было религиозное высокомерие»; «О леньность мою // разбивался всякий наскок». Очевидная насыщенность “листьев” такими высказываниями создает определенную окраску *целого*: звучание авторского голоса, навязывающего читателю ощущение постоянного присутствия авторского сознания. Тем самым и последующий текст миниатюры воспринимается как подчеркнуто авторская рефлексия. Высказывания с другим лексическим наполнением темы преимущественно включают субстантивный элемент, характерная особенность “листьев” состоит в том, что этот элемент в большинстве случаев не имеет агентивного характера. «У Рцы в желудке // – арии из “Фигаро”...»; «Литературная память // самая холодная»; «Воображать // легче, чем работать...». Характеристики основы эксплицируют авторское сознание, данное с подчеркнуто активным началом по модели: не «мне представляется», но «я считаю», и задают **субстанциальную направленность** “листьев”, формируемую регулярным субстантивным компонентом в составе темы.

При взгляде от говорящего-автора явление «тема как *новое*» оказывается воспроизведением спонтанности устного говорения. Авторский импульс к *новому* – вне соображений об интеллектуальном и эмоциональном удобстве читателя. В некоторых случаях ассоциативные тематические связи просле-

живаются в близком контексте, однако в большинстве “листьев” основа начального высказывания, действительно, эксплицирует нечто *новое*. В некоторых случаях тема открывается элементом дейксиса или связкой, однако объект указания в близком контексте таких высказываний отсутствует: «Так моя жизнь... // загибается к ужасному страданию совести». Учитывая смысловые связи *целого*, в которое входит каждый отдельный “лист”, полагаем: «тема как *новое*» находит опору в ключевой русской символике. Что касается ремы, то преобладание квалификативно-качественных высказываний предполагает широкую характеризацию основы в отношении действия, качества, состояния, бытия.

Отличительной особенностью “листьев” является осложнение *линейно-динамической структуры* высказывания, заданное комплексной организацией коммуникативных компонентов; соотносительный показатель составляет для нерасчлененных высказываний ~15 %, для расчлененных ~ 18 % основ и ~ 18 % рем. Комплексная организация предполагает различные приемы осложнения коммуникативных компонентов; в случае нерасчлененных высказываний, фактически, речь идет о синтагменном членении высказывания, за которым стоят грамматически оформленные смысловые отношения. В предложениях глагольного строя синтагменное осложнение есть регулярное объектное распространение глагола. В номинативных и соотносимых с ними конструкциях интерпретация комплексного характера более сложна, поскольку имеют место неморфологизованные отношения. В иных случаях осложнение представлено паратаксическим нанизыванием синтагм: «Вся помертвевшая / (бессилие, / сердце), / с оловянными тусклыми глазами / (ужасно!!)». В расчлененных предложениях картина несколько сложнее; основа часто осложнена полупредикативной конструкцией, которая, в свою очередь, содержит сочиненные компоненты: «Одна лошадь, / да еще старая и неумная, // везет телегу». Особенность медитативных текстов составляет осложнение скобочным синтаксисом; так оформленные дополняющие признаки и обстоятельства могут составлять характеристику субъекта действия / состоя-

ния, указывать на особешности предмета речи, давать обстоятельное уточнение: «У Кости Кудрявцева / директор / (Садоков) // спросил на переэкзаменовке»; «*Чувства преступности* / (как у Достоевского) / у меня // никогда не было»; «Что же // я скажу / (на т. с.) / Богу». Тенденция усложнения темы – естественное введение дополнительных характеристик основы высказывания, поскольку сама основа представлена как субстанция. Характер основы, частотность ее комплексной организации, нередкие случаи помещения ремы внутрь основы воспроизводят авторское многомерное восприятие действительности – Розанов сосредоточен на бытийности, пронизанной качественными характеристиками. Как следствие, возникает **интонационный компонент**, регулирующий иерархические отношения комплексной основы. В предиктируемом компоненте осложнение становится вспомогательной целью высказывания, дополняющей основное содержание; в реме могут одновременно наличествовать сополагаемые и подчиненные компоненты: «Толстой // не был вовсе религиозным лицом, / религиозною душою, / как и Гоголь». В “листьях” нередки высказывания с комплексным характером обоих компонентов коммуникативного плана: «Общество, / окружающие // убавляют душу, / а не прибавляют». Общая направленность осложнения ремы – уточнение утверждаемого признака, а значит, конструктивно обусловленное **усложнение интонационного рисунка высказывания**.

Показательно, что в лирико-философских текстах нередко встречаются *высказывания двоякого прочтения*, коммуникативная структура и имеющийся контекст которых допускают смысловые варианты: «Душа озябла... < Страшно, когда наступает озноб души >»; возможные прочтения: 1) расчлененное и не актуализированное: «Душа // озябла» и 2) нерасчлененное с инвертированным порядком слов и интонационным выделением: «Душá озяб-ла» при нормальном «озябла душа», констатирующее факт как целое. Такие высказывания раз за разом обращают читателя к необходимости **интонационного прочтения** миниатюры, усиливая «устное звучание» медитативных текстов.

В коммуникативной организации микротекста широко используются средства графики, получившие функцию стилистических сигналов и составившие систему рубрицирования, сохранившуюся с некоторыми изменениями от «Уединенного» до «Короба второго...». Использование графических знаков достаточно последовательно: виньетки выделяют отдельный «лист», последний членят тильда, отбивка строки и абзац. В «Коробе втором» появляется апостроф, который, будучи используем кратно, указывает поступательный порядок фрагментов, таким образом, графические сигналы встроены в стилистику *целого*. Особенности их использования суть: 1) автор не соотносясь с тематикой, руководствуется смысловой акцентировкой; 2) графические разграничения *целого* не указывают на регулярные зависимости, что показывает определенное пренебрежение к формальной организации; 3) создаваемое графическим выделением повышение статуса фрагмента концентрирует читательское внимание на смысле текста, а разрыв, с помощью тех же средств, коммуникативной последовательности препятствует возникновению наррации.

На доминантных качествах стиля сказываются также определенные особенности использования лексики. Современный исследователь говорит о «конкретности розановского стиля... осязательности описываемых им предметов... схватывании сути вещей» (В. А. Фатеев). Сказанным задается двуправленный поиск доминирующих черт в лексике «листьев»: 1) средств номинации конкретно-вещного плана; 2) слов-символов и лексики, номинирующей отвлеченные понятия. Сопоставляемые массивы отвлеченной и конкретной лексики внутренне не одномерны и содержат градуируемые по соответствующим признакам разряды, из чего следует возможность выделения ядра отвлеченной лексики. Так же моделируется градационный ряд конкретности лексики: от обозначений осязаемых «вещных» предметов, к словам с очевидно меньшей предметностью. К первым принадлежат слова личного быта (*перо, папираса, брюки*), ко вторым – слова городского и социального обихода (*бульвар, школа, канцелярия*). Показаны количественные характери-

стики указанной дифференциации: общий объем существительных – 4905 слова; конкретно-предметная лексика составляет – 703 слова. Важно, что 1) отмеченная лексика, будучи распределенной по всему пространству текста, постоянно обращает читателя к плану конкретно-бытовых реалий; 2) объективируемая конкретность слов «личной вещности» слагается в восприятии со значениями других групп конкретной лексики; 3) конкретность, разлитая в “листьях”, контрастно противопоставлена семантике отвлеченной лексики. Численные характеристики других групп конкретной лексики: обозначения реалий космоса, природы, деревни – 266 слов; обозначения социальных и инокультурных реалий – 385 слов; личные существительные – 772 слова. В целом конкретные существительные представлены 2126 словами. Ядро отвлеченной лексики “листьев” исчисляется 1579 словами. Таким образом, отвлеченные и конкретные существительные количественно соотносимы ($\approx 3:4$) при преобладании конкретной лексики, формирующей известную «осязательность» розановского текста. Важно, что группы конкретной и отвлеченной лексики составляя, соответственно, 43,4 % и 32,2 %, охватывают более трех четвертых (75,6 %) лексического массива “листьев”. Таким образом, количественные данные показывают: удельный вес семантически маркированной лексики настолько велик, что необходимо создает ощутимый читателем эффект «вещности». Значимость же отвлеченной составляющей лексического массива есть рефлекс интеллектуальной, «книжной» ориентированности “листьев”.

Осложнение линейно-динамической структуры высказывания ведет к смешению разноплановых лексических единиц, что влечет изменение их функциональной нагрузки. На первое место выходит не изобразительная нагрузка конкретной лексики, но аналогия, поясняющая и толкующая иной смысловой план; речь идет о сущностных объектах, предполагающих использование отвлеченной лексики. Функциональная нагрузка конкретной лексики представляет собой градацию: от сравнений и, далее, метафорического использования к прямому изображению элементов действительности:

«Душа моя как расплетающаяся нить. Даже не льняная, а бумажная»; «...о “демоническом” и “бесовском” начале в мире, ...мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает и их люблю)». Уподобление не ограничено использованием слова или словосочетания – использованный образ ведет автора к дальнейшему его уточнению и развитию: «расплетающаяся нить – не льняная, а бумажная»; «черные тараканы – люблю их». Ссемантика конкретности вовлечена в истолкование действительности значительно больше, нежели это потребно для создания стилистического эффекта. Сравнительные конструкции часты и в употреблении отвлеченной лексики. «Отчего же я так задыхаюсь, когда говорят об “общественности”? А вот точно говорят о перелете галок. “Полетели к северу”, “полетели к югу”». В подобных случаях сравнение есть комментарий, предполагающий выраженное авторское отношение. Наиболее ярки встречающиеся примеры совмещения конкретных и отвлеченных планов, в которых нет фигуры уподобления: «Все что-то где-то ловит – в какой-то мутной водице какую-то самолюбивую рыбку. Но больше срывается, и насадка плохая, и крючок туп». Большая или меньшая объемом металогия создает образную иллюстрацию к толкованию действительности.

Соотносительная черта – совмещение значений, относящихся к различным уровням обобщения и конкретизации: «влажный дружбаю», «судьба с “другом”», «*делают гармонию*». Совмещение конкретного и отвлеченного планов определяем как устойчивую черту стилистики “листьев”, заключающуюся в нерасчлененном представлении предметного мира и его сущностных характеристик. В проекции на стиль “листьев” это означает регулярную встречу книжной и разговорно-бытовой, отвлеченной и конкретной (включая глаголы конкретного действия) лексики, либо слов, выявляющих различный уровень обобщения. Стилистический контраст обусловлен сочетанием единиц, которые мыслительным движением от существования к сущности соотнесены с бытовым и бытийными планами. Исключительная особенность “листьев” – контексты, в которых конкретная лексика вне метафорического

сдвига сочетается со словами отвлеченной семантики как средство прямой номинации: «я не могу представить литературу “вне себя”, напр., вне “своей комнаты”». *Литература* локализована автором в конкретном пространстве – в *его комнате*. Сближена конкретная и отвлеченная лексика, единицы которой, представляя различные уровни описания действительности, выступают в отношениях взаимодополнения и доведения до *целого*. Поскольку содержательная направленность включает «ноуменальную» сферу, синсемантическую номинацию обеспечивает отвлеченная лексика, маркированным же пластом “листьев” оказываются конкретно-бытовые слова – «микроединицы бытия» (К. А. Рогова). Роль *вещно* окрашенной “листья” конкретно-предметной лексики возрастает и в связи с контрастом между интеллигентским, по векторам «вечных тем», текстом и реализацией этих сюжетов. Смысловое сближение пластов лексики, в стилистической проекции оказываемое совместным использованием книжно-отвлеченных и конкретно-предметных слов, является *общей* характеристикой стиля “листьев”. **Предметный план быта** истолкован *ноуменально* и, напротив, *ноуменальный план* выявлен в *вещах быта*.

Глава III «Стилистика лирико-философской прозы: локальные эффекты» посвящена точечным стилистическим эффектам медитативной прозы. Яркая особенность медитативной прозы – вопросно-ответные единства *монологического* текста, позволяющие автору, избегая снижающего экспрессию дискурсивного изложения, представить собственный тезис как востребованный ответ. Эти конструкции представлены рядом моделей. *Вопросы авторефлексии*, эксплицирующие процесс размышления, будучи удобным посылком к дальнейшим утверждениям автора и являясь укоренившимся книжным приемом, свидетельствуют о намеренной актуализации текста. В рассматриваемых текстах – и это общая тенденция письменной речи – ответ на предлагаемый вопрос уже существует *фактически*. Тем самым вопрос оказывается акцентирующей «привязкой» внимания читателя к предлагаемому утверждению. Вопросно-ответные единства либо а) являют прозрачный от-

вет, либо б) подчеркивают медитативность текста: «я решил эти опавшие листья собрать. Зачем? Кому нужно? Просто – мне нужно»; «Вполне ли искренне... что я так не желаю славы? Иногда сомневаюсь». На периферии этой группы встречаются конструкции с парентезой, содержащей частный вопрос, близкий к формам внутренней речи; их организация может осуществляться вне оформления необходимых связей: «Ошибочный диагноз Бехтерева в 1898 году все погубил (или невнимательный? или “успокоительный”?)». *Риторические вопросы* получают в “листьях” дополнительные функции: речь идет об их использовании в качестве аргументативного посыла в рассуждениях автора: «Перед древними (богами – А. Ф.) как заплакать? “Позитивные боги”, с шутками и вымыслами». В силу аргументативной функции риторический вопрос в “листьях” может иметь ответ: «Рассуждения девицы и студента о Боге и социальной революции – *суть и душа* всего... но “почему сие важно”?! *Важного* никак отсюда ничего не выходит». К особенному типу вопросов относятся «каузальные» вопросы – адресация автора к причине, заведомо недоступной пониманию: «Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? почему? Кто знает? – меньше всего автор». Заметно частое использование в этой группе вопросов с ядерным компонентом «что это за + отвлеченное существительное или имя действия», обращенных более к непознаваемой сути явления: «Порок живописен, а добродетель так тускла. Что же все это за ужасы?!». Смысловая общность отмеченных моделей, напрямую соотносимая с бытийно-сущностной направленностью розановского текста, оправдывает их обособление в ряду экспрессивных средств синтаксиса.

В розановских “листьях” широко представлен синтаксический повтор – разнообразный конкретными формами и частый прием «художественной монологической речи» (Г. Н. Акимова). В отличие от словесного ряда, повтор привязан к конкретному близкому контексту; сгущая символику и увеличивая экспрессию микротекста, он «работает» на локальную экспрессию. Возникающий стилистический эффект – обратная сторона «небрежности» авторского письма, состоящей в навязчивой тавтологии, – автор не подбирает си-

нонимизму или парафразы, но воспроизводит требуемую единицу номинации; речь идет о намеренной избыточности – создании стилистического эффекта. Особенность повторов в “листьях” – случаи 3-х, 4-х и более повторяющихся элементов: «...это не доброта. Доброта болеет. Доброта делает. Доброта не оглядывается. Доброта не ищет «себя» и «своего» в поступке <...> Доброта не творит милостыни, доброта творит братское дело». Будучи *намеренным* приемом, повтор должен производить впечатление искусственности, чего, большей частью, не наблюдаем. Эта «нериторичность» обеспечена общей ориентацией на устное звучание, в рамках которого повторы передают эмоциональные эмфазы, либо увлеченность аргументацией.

Отличительная черта “листьев” – множественность парентез с функциями а) фактографии и б) смыслового углубления. Первый тип составляют уточнения персонажей, указания на время и место, квалификация события, необходимое сужение гиперонима и указания источника. Второй тип используется для экспликации сквозных мотивов, этических максим, введения ключевого символа: «Литература (печать) прищемила у человека *самолюбие*»; социально важный символ эксплицирует противопоставление: литература vs печати (газеты); это и указание на внедрившуюся множительную технологию («мотив Гуттенберга»), что знаменует переход от творческой рукописи к тиражируемой публицистике. «Начнется, я думаю, с *отвычки* от газет... Потом станут считать просто неприличием, малодушием (“*parva anima*”) чтение газет»; дав латинское соответствие кальке с греческою языка (ἡ ὀλιγο...α), автор подчеркнул буквальное значение: ‘ущербность души’, затененное в русской адаптации слова: ‘слабость воли, упадок духа, нерешительность’ (БАС).

Синхронная медитативной прозе тенденция – расчленение синтагматики на различных уровнях ее организации (Г. Н. Акимова); в “листьях” представлены расчлененные и синтагматические последовательности. Распространенные микротексты, содержащие элементы синтагматической прозы, включают перебивающие последовательный дискурс конструкции, нарушающие узус нераспространенностью схемы, либо экспрессивностью ее модификации. Та-

ким образом, даже «схваченный» монотемой фрагмент оказывается синтагматически рассеченным. Размер предикативной единицы синтагматически окрашенного фрагмента составляет 9,2 слова. Для фрагментов, не имеющих синтагматической окраски, та же величина составляет 6,8 слова. Рассматриваемый как градиент этот показатель ясно указывает на **минимизацию предикативного единства и редукцию синтаксической последовательности**. Данная тенденция реализована редукцией «упаковочного материала» и частым предикцированием, следствием чего являются частые парцелляции, эллипсис, энтимемы. *Парцеллированные формы* более часты в поздних книгах «листьев». Меняется качество парцелляции – степень расчленения синтагматического единства. Парцеллированные структуры первых трех книг «листьев», большею частью, представляют разрыв межпредложенческих связей: «У меня за стол садится 10 человек, – с прислугой. И все кормятся моим трудом». *Неполнота синтаксических конструкций* регулярна в повествовательных контекстах, в целом мало распространенных в «листьях». Редуцированность схемы предложения связана с определенной грамматической позицией: речь идет о частом отсутствии формы личного субъекта. Субъектное значение становится менее дифференцированным и до известной степени диффузным: «Наша молодежь отчасти глупа, отчасти падшая. И с ней совершенно нечего считаться». Следствием оказываются обобщенное значение и лаконичность высказывания. *Минимизация синтаксической формы* состоит в выборе экономных моделей предложений ... отсутствии связочных форм, допустимых стилистически и семантически, незаполнении валентностей, в частности, возможных атрибутов номинативных конструкций: «Государство есть *сила*»; объектом редукции оказываются и обстоятельственные компоненты. Регулярная редукция второстепенных в смысловом отношении форм вызвана тяготением к именным формам и предпочитающим вниманием к содержанию; реализация этих тенденций есть **синтаксическая логика «листьев»**.

Диктальное содержание «листьев» нередко представлено последовательным сцеплением высказываний, связанных отношениями посыла и вывода. В

этих случаях синтаксис отличает большая синтагматичность, однако следованию мысли свойственна *энтимемность* – отход от строгой логической последовательности в суждениях и эристических фрагментах. Направленность логической организации нередко состоит в редукции промежуточных посылок: «Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому что на земле единственное “в себе самом истинное” – это любовь»; логически строгая последовательность предполагает наличие большей посылки: «истинное в себе прекрасно». *«Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию»; опущена меньшая посылка: «боль жизни – в ведении религии». *Энтимемы-парадоксы* глубже ординарной игры несочетающимися смыслами: парадокс не становится целью – контраст лишь ярче высвечивает тезис, но оказывается средством привлечения читательского внимания к создаваемым автором смыслам: «Мы все люди и ужасно слабы. Но уже сказав “слабы”, выиграли в силе, потому что выиграли в правде». К так понимаемой энтимемности близки расчлененные высказывания с темой-новым, создающие эффект логической редукционности «неоправданным» обращением к теме. Коммуникативная успешность текста, однако, убеждает, что логика изложения в нем имеется, будучи заданной иными средствами и реализованной на другом уровне; греческое τὸ ἑνὸς ἰσχυρὰ (‘рассуждение’, ‘новая мысль, выдумка’) предполагает известную свободу авторской мысли. Энтимемность как *качество* логической организации заключается в небрежении дискурсивным изложением и подчеркнуто дискретном движении мысли.

Стилистически маркированная лексика обеспечивает локальные эффекты 1) усиления образного звучания; 2) выражения отношения к объекту; 3) интимизации изложения; 4) воспроизведения «чужого» голоса. *Усиление образного звучания* лексической единицы создается различным образом: выбором слова с интенсивным значением – гипертрофированным признаком; созданием окказионального деривата; использованием метафоры. Различие актуализации ведет к *категориальному* различию смыслов: если модифика-

ция значения словообразовательными средствами создает образ: «Начнется... с отвычки от газет»), то интенсивность семантики – символическую перспективу: «Я пролетал около тем, но не летел на темы. Самый полет – вот моя жизнь». Оценка подчинена закономерности: 1) обычно интеллектуализированная положительная оценка выражается развернутым контекстом; 2) подчиненная эмоции отрицательная оценка реализуется коннотациями или прямой семантикой отдельного слова: «“стишки” пройдут, даже раньше, чем истлеет бумага»; «“умер бы Родичев” – и только одной трещоткой меньше бы трещало на Руси». Особенностью “листьев” является использование оценочных слов, актуализирующих не признак, но субстанциальное значение и онтологизирующих оценку: «Гнусность печати... имеет... нужную сторону». *Интимизация изложения* состоит в доверительном обращении к читателю и искренней авторефлексии – открытии интимной сферы авторского «я». Соответствующими средствами являются, в первую очередь, суффиксальные формообразования: «все с грешком, слабенькие». Другая группа средств – лексика скрываемых эмоций: «постоянная грусть... ищет “зацепки”... чтобы перейти в страшную внутреннюю боль, до слез». Подчеркнутое *изображение «чужого слова»* не характеризует персонаж, которого нет как объекта повествования, а усиливает экспрессию микротекста и обусловлено ориентацией на «звучание» текста; стилизация опирается на фонетизмы, аффицирующее произношение и подбор характерной лексики. «“Вам не прошение ли?”... Так идемте. Рупь». Экспрессия усиливается включением фонетизма в несобственно прямую речь: «Старые судьи – щенками, аблакаты – “тысящами”». Общим чертой является ориентация на максимальную выразительность, причем автор не сообразуется со стилистикой ближайшего контекста.

Розановские неология, окказионализмы, девиации замечены исследователями (В. В. Леденева), хотя и получают различные оценки. Отмечено, что удельный вес этих форм не велик (Е. П. Карташова) – факт, по нашим наблюдениям, не подтверждаемый материалом. В рассматриваемых текстах найдено свыше 450 неологизмов, авторских субстантиваций и девиаций, или

4,3% общего количества вокабул (~ 10500). Если помнить, что в *любом* тексте большинство средств есть упаковочный материал, а новообразования обыкновенно используются в сильной позиции, то их соотносительный объем представится значительным. Функциональные характеристики указанного пласта лексики сводятся к 1) модификации существующего признака в широкой амплитуде: от частного оттенка до антонимичности: *всешатаемый, гнусно-отрицательный, антиканонический*; 2) созданию признаков: *по-алкивиадовски, вредительный, безвпечатлительный*; 3) созданию предметных номинаций – имен на *-о(е)ст', -ни*: *любовность, ворование* и субстантивированных прилагательных в форме среднего рода: *интимное, казенное*. Розановские неологизмы не вошли в практику; эти девиации ориентированы на углубление в смысл толкуемого «кусочка» действительности, однако вне конкретного контекста, обеспечивающего реализацию смысла, выразительность и смысловая обоснованность единицы могут утрачиваться.

К определенным заключениям о стилистике “листьев” ведет рассмотрение различных пластов лексики. Материал показал активность *архаизированной лексики и форм*, которые, будучи объединены отнесенностью к определенному пласту системы, не характеризуются общей функцией, всякий раз решая частные задачи. Устойчивую группу составляет «квазинаучная» лексика; в употреблении ресурса видим естественное следование культурной традиции, дополненное направленностью на ментальный поиск. Частная функция – перевод термина в план символизации: «во всех “нас” есть большой или маленький ноумен». Стилистически окрашенное слово употребляется без учета окраски контекста, что коррелирует с ориентацией на передачу смысла, а не на вспомогательный эффект. Розановские “листья” содержат значительное количество *историзмов и экзотизмов*, функция которых состоит не в описании иновременной и инокультурной действительности, а в углублении знания или эмоциональном проникновении в синхронную реальность. Встретившиеся в “листьях” *диалектизмы* суть свидетельство открытости автора различным сферам языка и внимания к устной речи. География диалектной

лексики включает район Верхнего Поволжья (Кострома и Ветлуга – «малая родина» Розанова): *лежанка* ('печь'), *беляна*. Другая лексика четко локализуется в западно- и южнорусских диалектах мест проживания Розанова (Белый, Брянск, Елец), свидетельствуя о том, что автор и в дальнейшем не выпускал из внимания устные речения: *кохать*, *козуля* ('змея'). Любое из использованных диалектных слов за исключением *этнографизмов* может быть заменено недиалектной лексикой – привлечение диалектизмов, обусловлено выбором слова-образа по мотиву «лучше не скажешь».

Общее толкование стиля текстов Розанова сводим к вопросу о категории *формы*. Среди соответствующих отзывов бытуют тезисы о бесформенности и хаотичности его текстов. В то же время пишут об удачности и даже совершенстве розановской формы (П. В. Палиевский, В. А. Фатеев). В лингвистической проекции говорится о «форме, ориентированной на расширение топикки» (А. А. Бурыкин). Стилистическая пестрота и девиации являются отклонением от *устоявшейся* формы, которая «незаметно подсовывает нам понятия, не соответствующие больше действительности, и... трафаретные суждения, требующие еще диалектической переработки» (Л. В. Щерба). В проекции на стиль «листьев» это означает, что, сосредоточившись на содержательном плане, автор не считается с формой-узусом: если существующие «законченные формы» и «трафареты» сколько-нибудь конфликтуют с *означаемым*, выбирается *означаемое* как форма. Устойчивость формы-стиля розановских «листьев» в способности нарушать узус не ради локального стилистического эффекта, но для достижения нужного автору смысла. Стилистику «листьев», таким образом, определяет не статика формы (моделей, конструкций, приемов), но *causa finalis* Аристотеля: **абсолютный примат смысла**.

В главе IV «Лирико-философская проза: языковые категории и ментальные проекции» рассмотрены категории языка и их ментальные корреляции. Специфику грамматической семантики видим в ее обязательности (Ю. С. Маслов) и нерелексированности (М. И. Стеблин-Каменский). Грамматическое значение автоматизировано в значительно большей степени,

пежели «подбираемые» слова, и меньше зависит от выбора говорящего – грамматическая семантика, таким образом, «откровеннее» лексической. Принципиально генерализованные лексико-грамматические и грамматические категории – интеллектуальный механизм истолкования действительности – имеют в сравнении с лексикой «объективный» характер в том отношении, что меньше зависят от «произвола» говорящего и привходящих факторов. Это положение восходит к взгляду К. С. Аксакова: «Язык сам мыслит своими формами, флексиями, словоизменениями... Это-то мышление самого языка... необходимо должна следить грамматика». Формы и категории языка являют национальный способ истолкования мира (В. В. Колесов), что распространяется на авторский текст. В вопросе о связи языка и мышления исходим из вербальности мышления и диффузного соприсутствия *логического* в *грамматическом* (А. А. Потебня, А. Ф. Лосев, И. И. Мещанинов).

Обращаясь к языку розановских “листьев”, переходим к сфере морфологических и лексико-грамматических категорий, в грамматическом пространстве которых кристаллизовались в значениях форм и их связях обобщаемые языковой практикой смыслы национальной речи. За повышенным вниманием к грамматической (лексико-грамматической) категории, акцентировкой ее семантики стоит значимость соотносимой категории ментальности. Далее обращаемся к сегментам онтологической сферы: 1) предметности; 2) качественности; 3) времени; 4) бытийности.

Смысловое ядро *предметности* видим в представлении о вещи-предмете, близком к пониманию А. А. Потебни: «Вещью называем связку явлений... Единство такой связки состоит в том, что мы принуждены... относить составляющие ее явления к одному средоточию». Центральное звено предметности – существительное, взятое в совокупности семантики, синтаксических позиций и связей. Авторское предпочтение субстантивных форм отражено статистикой репертуара знаменательных частей речи: существительные – 44,2 % слов, глагол – 30,7 %, прилагательное – 17,7 %, наречия и безличные предикативы – 7 %; слова с предметной семантикой явно преоб-

ладают над процессуально-признаковыми. Функционально-семантическое наполнение данных проявляется путем анализа грамматической семантики и учета синтаксических позиций. Среди последних значима частая позиция родительного падежа субстантивно-субстантивного словосочетания, поскольку выбор субстантивного слова, даже имеющий целью определенный смысловой акцент, всегда вводит субстантивную семантику. Показательны сочетания, в которых выбор существительного объясним лишь «приверженностью» к предметному толкованию действительности: «это не отнимает у него всех качеств человека»; «меня потряс один рассказ Репина». Другая черта предметности – замещение беспредложных форм предложными; аналитические конструкции – шаг в градации субстантивности: «талант у писателя»; «с чахоткой в нервах». Та же тенденция видна в обстоятельственных сочетаниях: «берут в ложку»; «зачитался бы с задумчивостью».

Диагностирующий признак предметности – *субстантивации*, отличающиеся в “листьях” массовостью и неузуальностью – использованием слов с частеречной принадлежностью и в формах, обычно не служащих базой субстантиваций. Различающиеся исходной формой субстантивации имеют особенности стилистического и смыслового порядка: если субстантивации местоименных и служебных слов носят стилистический характер, а субстантивации полных прилагательных и причастий являются узуальными, то определение наречий, безличных предикативов и личных форм глагола особо подчеркивает предметность. Субстантивация обстоятельственных наречий создает стилистический экспрессивный эффект, тогда как употреблением модальных предикативов и омонимичных им субстантиватов решается определенная микротема, обычно принципиально значимая для мировоззрения автора: «Церковь основывается на “НУЖНО”». «Неузуальность» такого преобразования обеспечивает его чрезвычайный эффект. Субстантиваты, как полноценные имена, выступают главными и второстепенными членами, имеют зависимые слова и образуют субстантивно-атрибутивные словосочетания: «Зачем... ежедневное “надо” среди... всеобъемлющего “не надо”».

Субстантивация глагольных форм – самое убедительное свидетельство опредмеченности “листьев”; в этих случаях возникает предельный контраст между новой формой и исходным значением процессуального признака. В объемном материале выделяем четыре группы: различные глаголы 1-го л., различные глаголы 3-го л., формы глагола *хотеть(ся)* и форма бытийного глагола *есть*. В первых двух группах значимо отличие субъектной отнесенности – опредмеченная форма сохраняет рефлексы глагольной семантики: «Где кончается мое “забочусь”?»; «сходство и “люблю” – разное»; «Как внешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это “проходит”». Множественность этих форм показывает востребованность принудительно вводимой в контекст предметной семантики. Эта же тенденция видна в субстантивации семантически важной единицы, номинирующей волеие, – глагольных форм *хотеть(ся)*: «О мое “не хочется” разбивался всякий наскок»; «что такое государство без железного “хочу”». Имея в виду форму-стиль розановского текста, видим в субстантивации глагольного слова направляемый **смыслом** узус “листьев”. Другое показательное отклонение – образование существительных и использование малоупотребительных имен; речь идет о словах, наподобие *алкивиадство, задыхание, небываемость*. Главной особенностью этой лексики является семантическое наполнение – *предметное* представление *признака* с прозрачной мотивирующей основой. Определить признак означает зафиксировать движение мысли. Общая склонность автора к «опредмечиванию» процессов, состояний и признаков свидетельствует о **субстанциальном видении** действительности, в т. ч. и традиционно непредметных субстанций: **связей и качеств** вещного мира.

В описании *качественности* “листьев” решается вопрос: считать ли эти тексты качественно ориентированными и какова организация указанной речемыслительной категории. Сложность истолкования этой категории состоит в неструктурированности выражающих ее средств и в том, что на лексическом уровне *качество* может быть представлено и как признак, и как суб-

станция. Анализ коммуникативного плана показал доминирование квалифицированно-качественных высказываний и именную окрашенность ремы – предпочитаемый коммуникативный тип наиболее приспособлен к передаче характеризующих (в т. ч. качественных) значений, а предиктивное в именных формах наиболее удобно для передачи качественной семантики. Смысловое наполнение категории обеспечивается, прежде всего, качественными прилагательными. Соотношение репертуара относительных и качественных прилагательных в “листьях” составляет 27 % и 73 %; статистика употреблений этих разрядов – 24 % и 76 %. Значительное превосходство качественных прилагательных определенно указывает на качественную ориентированность “листьев”. Частные проявления качественной направленности видны в фактах квалификации относительных прилагательных и в метафоризации качественных, на основе чего возникают устойчивые признаковые значения. К той же тенденции относится создание окказионально-авторских признаковых слов с семантикой, включающей качественную характеристику лица, предмета, среды: прилагательных (и причастий), наречий (и безличных предикативов) и глаголов. Адъективные и адвербативные образования служат либо созданию нового признака, либо уточнению существующего, а их активность показывает, что автору необходимо умножение средств выражения качества. Отмеченные средства относятся к феноменологическому плану *качественности*. В плане онтологии этой категории значимы случаи регулярного перехода качества-атрибута в качество-субстанцию: субстантивации качественных прилагательных среднего рода – явление известное языку, но в розановском тексте имеющее лавинный характер – более 200 единиц. Определенные качественные прилагательные (также причастия) соотносимы с отвлеченными именами: *глубочайшее, задуманное, карамазовское, поэтическое, умное*. Так созданное отвлеченное имя, называя качество, подчеркивает его предметно-вещное воплощение – вещь и идея, слиты настолько, насколько это возможно вне форм прямой декларации. Эффект создается смысловым движением от слова: денотативная отнесенность (вещь) и понятийное наполнение (идея)

даны неявно и равно подлежат осмыслению в контексте. Последний факт ориентирует в истолковании идеологии автора: **позиция от слова** и указание на «равноценность идеи и вещи» есть рефлекс **реализма**. Определенные имена качества бытуют, действуют, испытывают воздействия; будучи функционально тождественными сущности и субстанции, что **определенно** указывает на **реализм** как розановский способ понимания и истолкования мира.

Категория времени *по-своему* отражает авторское восприятие действительности. На темпоральности “листьев” сказывается именной строй текста, предполагающий значительный объем связочных форм. Абсолютное большинство именных конструкций локализовано в настоящем времени. Та же черта проявляется в доминировании презенса среди финитных форм; в «Уединенном» преобладает настоящее время глаголов несовершенного вида – 659, далее следуют формы прошедшего совершенного вида – 408 и несовершенного вида – 306. Сходная статистика наблюдается в последующих книгах “листьев”. Вкупе со связочными конструкциями такое превосходство форм настоящего задает определенную временную окрашенность текста – смысловую локализацию “листьев” во пространстве настоящего. Господствующая семантика презенса – значение расширенного по временной отнесенности действия-состояния с оттенком повторяющихся действий или с тенденцией к генерализации: «Я не думаю о царствах. П. ч. душа моя больше царства». Временные рамки нечетки и дрейфуют в соответствии со смыслом широкого контекста: «Переставешь верить действительности, читая Гоголя». Формы настоящего могут создавать повествовательный контекст, в котором (в отличие от «настоящего исторического») последовательность событий совмещается в одном плане расширенного презенса. В целом за этими чертами стоит индифферентность настоящего времени к четким дефинициям – его вневременность (В. В. Виноградов). О безразличии к собственно временным разграничениям свидетельствует использование форм прошедшего времени, количественно сопоставимых с презенсом; в «Уединенном» встретилось немногим более 700 употреблений форм прошедшего. Свыше 400 из них представлены

глаголами совершенного вида с различными перфектными значениями. В абсолютном большинстве употреблений перфект «работает» на план настоящего: «У нас нет совсем мечты своей родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность». Прошлое, таким образом, втянуто в сферу настоящего и значимо в контексте актуальных для настоящего эмоциональных состояний и ментальных рефлексий автора. Будущее существует как проекция презенса, будучи обусловленным модальными интенциями настоящего. Настоящее доминирует над другими формами и является пространством, к которому эти формы *зависимо* присоединены. Со стороны языка эти наблюдения возвращают к идеям К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова о вневременном характере русского глагола: «русский язык осмыслил действие не как отвлеченное движение во времени, а как реальную проявляемость свойств предмета» (Н. П. Некрасов). Со стороны авторского сознания – это его единство во времени: авторское *я – здесь – всегда* (= *сейчас*). Невозможная в морфологической парадигматике система отсчета оказывается единственно приемлемой для конкретного авторского текста. По мере снижения обусловленности языковой формой значения времени не только размываются, но вовсе утрачиваются. Отсутствие времени в ментальном плане “листьев” или, что то же, **абсолютное доминирование настоящего** в плане грамматическом оборачивается исключением категории из числа онтологических. Для Розанова **времени** как существенного и существующего фактора – нет.

Рассмотренные выше категории – *предметность*, *качественность*, *время* – в совокупности уже содержательно оформили категорию *бытийности*. По данным языка “листьев” установлена приверженность Розанова *предметности*, а необходимая характеристика предмета – его *бытие*. С другой стороны, *бытие* необходимо являет себя в свойствах предмета, что обобщается в другой характеристике “листьев” – *качественности*. Пространство, в котором они существуют как субстанции, по данным “листьев” можно характеризовать негативно – в нем отсутствует *время*, но задано *становление* как онтологизированное свойство субстанций. *Бытийная* направленность “листьев”

хорошо иллюстрируется явлениями конструктивно-синтаксического плана. Наиболее показательны в этом отношении значительное количество номинативных предложений. Отличительной чертой их использования является маркированность организации микротекста: повторы номинативов, либо цепочка назывных конструкций, нередко включающая предложения с некоординированными главными членами: «На всем великолепный “стиль Растрелли”: в дворцах, событиях, праздниках, горестях... Эрмитаж, Державин и Жуковский, Публичная библиотека и Карамзин... В “стиле Растрелли” даже опозиция: это – декабристы». Наиболее яркие примеры онтологизма розановского текста представлены отклонением от узуса – регулярными субстантивациями формы *есть*. Вне изменения по лицам и числу эта форма превратилась в грамматически ущербный знак-индекс, сохранивший на категориальном уровне значение процесса. «К числу этих вечных “есть”, на которых мир держится, принадлежит и вечность “я”». Случаи субстантивации *есть* показательны для категории *бытийности* самой востребованностью опредмеченной формы. Приверженность Розанова *бытийности* ясно показывает языковой материал, относящийся и к рассмотренным выше категориям. По-разному организованное, но узуальное для “листьев” сопряжение в одном контексте конкретных (вещных, предметных) значений и отвлеченной (идеальной) семантики доказывает, что Розанов видел *вещную* действительность наполненной идеальными смыслами. *Вещь* понимается и толкуется лишь в сочетании ее предметных качеств с вложенной в нее идеей, и внимание автора равно обращено к предметной и идеальной сторонам ее. Розанов истолковывает *вещь*, совмещая категории платоновских *εἶδος* и *„dŕa*, формы-образа и сущности, что напрямую соотносено с национальными чертами: «Русская... ментальность непременно должна соединять – в действии и в сознании – идеал и вещь» (В. В. Колесов). Определяем мировоззрение Розанова как **последовательный реализм**, что – в лингвистической проекции – означает равную соотнесенность слова с идеей и вещью предметного мира. Отсюда

«пезамечаемость» слова, объясняющая авторскую свободу обращения с формой по мотиву: «так удобней выразить мысль и назвать предмет».

В главе V «композиционно-смысловые механизмы текста и образ автора» рассмотрены механизмы смыслообразования, символика, словесные ряды и интегрирующая категория текста – образ автора. Смыслообразовательные механизмы розановского текста отличаются последовательной метонимичностью. В метонимически ориентированных моделях реализуются отношения части ~ целого: носителя и признака; пространственной и временной смежности: «“Большинство голосов” придет»; «Каждый век... говорит своим языком». Другие отношения суть связи орудия (средства) ~ результата (процесса); орудия ~ деятеля; причины ~ следствия. В отличие от «категориальной ошибки» метафоры (Н. Д. Арутюнова), принцип метонимии – в единстве понятийного поля (Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П.), что, с учетом его известной эластичности, объясняет отличные от метафоры ментальные потенции метонимии; поясним примером: «Добродетельная биография» или «эпоха добрых нравов»... есть просто личность довольно «безличная» и время довольно «безвременное». Высказывание организовано моделью тождества, в основе которой метонимические соотношения: качество ~ носитель или гипоним ~ гипероним. Метонимическим сцеплением вводится связь: от каузатора (личностных качеств) к общественным следствиям (социализированности нравов). Итак, метонимические смысловые образования использованы в организации идеологически важных высказываний, смысловая организация которых осуществляется сцеплением смежных понятийных полей. Метонимичность розановского дискурса не заканчивается собственно метонимией, но продолжается повтором, который рассматриваем как предел метонимии: налицо абсолютная смежность (полное тождество) понятийного поля. Как переходные формы рассматриваем варьирование повтора и амплификацию, но с теми особенностями, что в случае варьирующегося повтора меняется представление о понятийном поле, тогда как при амплификации происходит частичное наложение полей (экстенсимальных областей) раз-

личных лексических единиц: «Все бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге». Отношения целого и частей создают детализацию; на тавтологичность указывает одно из значений слова *бессмертный* – ‘вечно живущий’ (БАС). То же в случае амплификации: «“Вот я прикрепился к земле”, “земля уродилась мне”, “теперь меня с земли (планеты) ничто не ссадит”, не изгладит, не истребит»»; видим частичное наложение понятийных полей процессуальных слов: *ссадит*, *изгладит*, *истребит* покрывают единое семантическое пространство потенциальных действий. Итак, принцип смыслообразования розановского текста есть **варьирование понятийных полей слов** или же их **совмещение**. Метонимичность соотнесена с символикой, как средством толкования действительности – совмещение понятийных полей создает онтологическую устойчивость символической перспективы и самого символа.

Розанов не создавал стройной системы символов; заметно, что символы розановского текста смещаются в своих планах; в первую очередь, сказанное относится к совмещению социальной и личностной сфер. Тексты “листьев” показывают, что переходы в другую сферу свойственны как отвлеченным именам качества, характеризующим личность, так и именованиям лиц (по профессии, социальным стратам, национальности) с устоявшейся в русской культуре оценкой, а также устойчивым типам-характеристикам. Хотя розановская символика не образует системы, символы в текстах “листьев” формируют подлинные словесные ряды. Речь идет о последовательностях однопорядковых единиц, несущих, как обертоны, некие сходные значения. Особенности словесных рядов в “листьях” – это стечения компонентов и смысловые «сгущения» ряда: за счет повтора в близком контексте соответствующая семантика может буквально навязываться читателю. Пересечения словесных рядов представлены смысловым взаимодействием антонимических и синонимических значений, углубляющих общие смыслы символики.

В *образе автора* сходятся основные характеристики произведения словесности. Назовем необходимые предпосылки: 1) монологическая природа текста, обеспеченная единством а) творческой манеры, б) эстетических пред-

почтений, в) идеологических установок реалиста; 2) доминирующая направленность на смысл и умаление значимости формы; 3) стремление воспроизвести в письменном тексте устное звучание. Приближение к образу автора – *авторские маски*, из которых назовем следующие: *маска интимного собеседника* с гаммой переходов от провокативного обращения к ироническому и, далее, к доверительному и сочувственно-интимному тону. *Маска исповедующегося*, предлагающая внутреннюю рефлексия авторского состояния или самооценку, адресованную себе или *agnõstJ sunomilhtJ*. *Маска безадресно рефлексирующего* с ориентацией на имитацию внутренней речи или обнаружение первичной, не «литературизированной» вербализации мысли. *Маска оратора и публициста*, предполагающая более или менее широкую адресацию, с характерными социализированной тематикой (значимые события, тенденции, персонажи) и оценочностью. *Маска очеркиста*, реализующего многолетний навык к созданию монологического текста: газетчика и автора заметок, статей *ad hoc*, обзоров, очерков. Наконец, *маска «юродствующего»* (Ю. П. Иваск, В. В. Виноградов, В. А. Фатеев), тексты которой отличает не столько ожидаемое самоуничижение, сколько подчеркнутая парадоксальность, часто касающаяся этической сферы и тем наводящая на мысль о сознательном эпатировании адресата. За совокупностью перечисленных масок и их текстовых репрезентаций стоит предъявленное читателю *сознание автора*. Резюмируя сказанное, заключаем: Розанов вербализовал непрерывный мыслительный процесс, зафиксировав его настолько непосредственно, насколько это позволили формы и категории языка. Этим вводим (без метафоры) фактический персонаж розановских «листьев» – русский язык, и корректируем формулу: *образ автора «листьев»* – это *авторское сознание* в его доверии языку.

В заключении подводятся итоги исследования и делаются общие выводы о стилистических и языковых характеристиках лирико-философской прозы, об идеологии автора, символической и «образе автора» медитативных текстов.

В приложении представлен частотный словарь лирико-философской прозы В. В. Розанова.

Положения диссертации представлены в публикациях:

1. Фомин А. И. Символика прозы Василия Розанова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 144 с.

2. Фомин А. И. Характеристики темы-основы высказывания в медитативных текстах Василия Розанова // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 78–83.

3. Фомин А. И. О некоторых актуальных концепциях символа // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова: Основной вып. 2011. Т. 17, № 1. С. 139–143.

4. Фомин А. И. Из наблюдений над лексико-стилистическими особенностями розановских «листьев» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 261–271.

5. Фомин А. И. *Форма – образ – лад* // Вестн. когнитивной лингвистики. Тамбов, 2008. № 4. С. 127–132.

6. Фомин А. И. Время в тексте В. В. Розанова: значение и смысл // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 2008. № 2. С. 48–55.

7. Фомин А. И. Национальные смыслы в авторском тексте: (на материале прозы В. В. Розанова) // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2007. Вып. 4, ч. 1. С. 90–97.

8. Фомин А. И. О «лингвистике» Василия Розанова // Энтелехия. 2006. № 13. С. 120–125. (Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитар. науки; Т. 12).

9. Фомин А. И. Еще раз о стилистике и поэтике Розанова // Энтелехия. 2006. № 13. С. 78–87. (Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитар. науки; Т. 12).

10. Фомин А. И. Символ в философской и лингвистической традиции // Энтелехия. 2006. № 12. С. 60–64. (Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Культурология; Т. 12).

11. Фомин А. И. Символика прозы Розанова: взгляд от лингвистики // Энтелехия. 2005. № 11. С. 57–61. (Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Культурология; Т. 11).
12. Фомин А. И. Стилистика языка художественной прозой. Методические указания. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 20 с.
13. Фомин А. И. Этика или мораль: (вокруг одного высказывания В. Розанова) // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч.-метод. конф. Тамбов, 2010. С. 100–103.
14. Фомин А. И. Об одной тенденции в выражении качественных значений // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Вологда, 2010. Ч. 4. С. 259–264.
15. Фомин А. И. Об осложнении линейно-динамической структуры высказывания: (на материале лирико-философской прозы В. В. Розанова) // Сборник материалов Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи» / Стерлитамак. гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишпевой. Стерлитамак, 2010. С. 158–164.
16. Фомин А. И. Высказывания двоякого коммуникативного прочтения в розановских «Листьях» // Русистика XXI века: традиции и тенденции: сб. материалов Междунар. науч. конф. (20–22 нояб. 2008 г.). Тамбов, 2009. С. 283–286.
17. Фомин А. И. Историзмы и экзотизмы в «Листьях» Розанова // Русская словесность как основа возрождения русской школы: Материалы 2-й Междунар. конф. (20–21 окт. 2009 г.). Липецк, 2009. С. 209–213.
18. Фомин А. И. Коммуникативное членение и интонация в лирико-философских текстах В. В. Розанова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы восьмой междунар. конф. (24–26 сент. 2009 г.). Владимир, 2009. С. 377–381.
19. Фомин А. И. О символике Розанова // Наследие В. В. Розанова и современность: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 29–31 мая 2006 г. /

РАН. ИНИОН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Ин-т философии. М., 2009. С. 87–89.

20. Фомин А. И. К толкованию розановского текста // *Ментальность и меняющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова*. Севастополь, 2009. С. 457–463.

21. Фомин А. И. Из материалов лексикографического описания лирико-философских текстов В. В. Розанова // *Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. тр. Вологда, 2008. Ч. 1. С. 250–257.*

22. Фомин А. И. К литературным случаям русско-немецкого «оборотничества» // *Культура в зеркале языка и литературы: Материалы Междунар. науч. конф., 15–16 апр. 2008 г. Тамбов, 2008. С. 234–236.*

23. Фомин А. И. Символ и мотив в тексте Розанова // *Русская словесность как основа возрождения русской школы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–23 сент. 2007 г.). Липецк, 2008. С. 245–249.*

24. Фомин А. И. *Лошадка с лентой хозяина бережет*: (к национальному видению вопроса) // XXXVII Международная филологическая конференция, С.-Петербург, 11–15 марта 2008 г.: [материалы конф.]. СПб., 2008. Вып.: Русский язык и ментальность. С. 88–93.

25. Фомин А. И. Время в тексте и в парадигме // *Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XXI в.: сб. материалов Междунар. науч. конф. (27–28 нояб. 2007 г.). Мичуринск, 2008. Т. 1. С. 32–35.*

26. Фомин А. И. К изучению языковой ментальности // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников 4-й междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 256–259.*

27. Фомин А. И. Буслаев как персонаж розановских «листьев» // *Наследие академика Ф. И. Буслаева: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 190-летию со дня рождения ученого (16–18 апр. 2008 г.). Пенза, 2008. С. 309–312.*

28. Фомин А. И. Об одном структурно-смысловом конфликте // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: к 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: материалы седьмой междунар. конф., Владимир, 25–27 сент. 2007 г. Владимир, 2007. С. 320–322.

30. Фомин А. И. Об идеографическом словаре писателя // XXXVI Международная филологическая конференция, С.-Петербург, 12–17 марта 2007 г.: [материалы конф.]. СПб., 2007. Вып: Язык и ментальность, С. 62–66.

31. Фомин А. И. О принципах идеографического словаря В. В. Розанова // Энтелехия. 2006. № 15. С. 133–139. (Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Культурология; Т. 13).

31. Фомин А. И. Об одном социальном мифе В. В. Розанова // Этногерменевтика и когнитивная лингвистика: материалы 5-й междунар. науч. конф. / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2007. С. 730–737.

32. Фомин А. И. «Пушкинский» миф Розанова // XI Царскосельские чтения «Вузовская наука России для повышения качества жизни человека»: междунар. науч. конф., [С.-Петербург], 24–25 апр. 2007 г. СПб., 2007. Т. 4. С. 32–35.

33. Фомин А. И. Материал лингвистики и принципы герменевтики // Филологический сборник / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2006. Вып. 9: Концептосфера и языковая картина мира. С. 265–270.

34. Фомин А. И. Из наблюдений над ранними текстами Розанова // Вузовская наука – образованию и промышленности: материалы междунар. науч. конф., Бокситогорск, 24 марта 2006 г. СПб.; Бокситогорск, 2006. Т. 20–25. (9-ые Вишняковские чтения). 35. Фомин А. И. Розанов и имяславие // XXV Международная филологическая конференция, С.-Петербург, 13–18 марта 2006 г.: [материалы конф.]. СПб., 2006. Вып. 13: Язык и ментальность, ч. 3. С. 42–49.

36. Фомин А. И. Текст Аввакума и текст Розанова: опыт сопоставления // XXXIV Международная филологическая конференция, С.-Петербург, 14–19

марта 2005 г.: [материалы конф.]. СПб., 2005. Вып. 5: Секция истории языка, ч. 2. С. 31–36.

37. Фомин А. И. *Ноумены* Розанова // XXXIV Международная филологическая конференция, С.-Петербург, 14–19 марта 2005 г.: [материалы конф.]. СПб., 2005. Вып. 6: Русский язык и ментальность, ч. 2. С. 83–88.

Подписано в печать 22. 03. 2011.

Отпечатано 03. 05. 2011.

Объем 2,14 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № 851

Отдел новых учебных технологий

СПбГУ, Филологический факультет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

